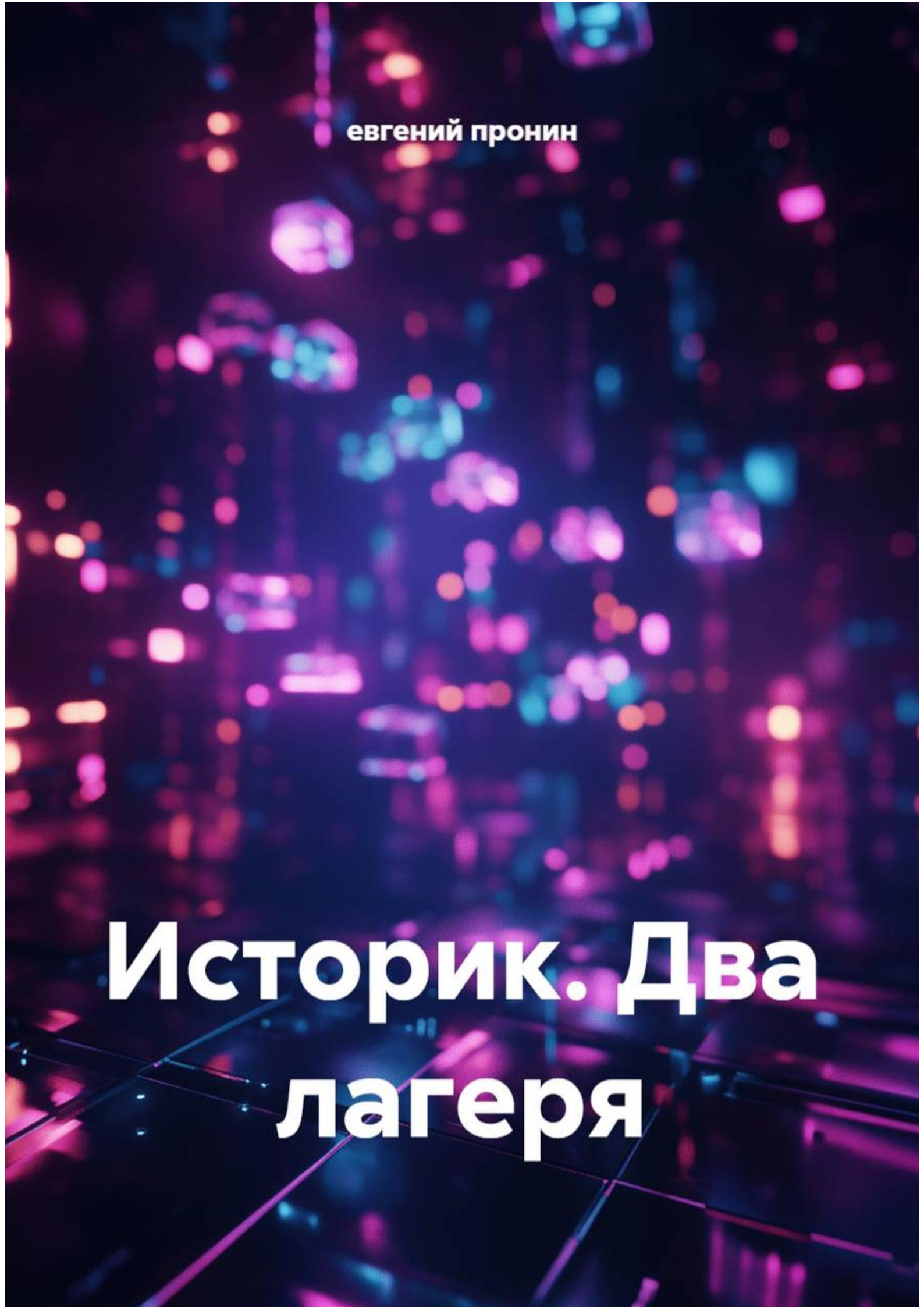

евгений пронин

Историк. Два лагеря

евгений пронин

Историк. Два лагеря

«Автор»

2026

пронин е.

Историк. Два лагеря / е. пронин — «Автор», 2026

Продолжение цикла Историк. Книга четвертая "Два лагеря". Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить кровопролития и гражданской войны. Получится у него или нет...? Он уже стал одним из руководителей молодой республики советов. Активность Краева оценивается лидерами страны по разному. У него появляются враги, но и покровители. Краев практически стал вторым человеком республики. Спас Ленина. Теперь настало время создания сильной империи.

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

евгений пронин

Историк. Два лагеря

Глава 1

Историк. Два лагеря

Глава первая. Проект буферной зоны

Москва. Кремль. Кабинет Председателя Совмина. 10 сентября 1918 года.

В кабинете Ленина пахло осенней сыростью, и тем особым сортом напряжения, который возникает только тогда, когда история делает крутой поворот. За окном лил дождь, размывая очертания Спасской башни, превращая её в размытый серый силуэт.

Владимир Ильич сидел за столом, быстро просматривая сводки. Его глаза горели лихорадочным огнем шахматиста, видящего мат в три хода. Когда я вошел, он лишь молча указал на стул рядом с собой.

Кроме нас двоих здесь были еще двое. Феликс Дзержинский стоял у стены, неподвижный как изваяние, сложив руки на груди. Его присутствие было гарантией того, что любое наше слово останется между стенами этого кабинета. Напротив, него, закинув ногу на ногу, сидел Вячеслав Менжинский. Человек-фантом, тень революции. Рядом с ним лежала тонкая кожаная папка без надписей.

— Садитесь, Александр Владимирович, — Ленин отложил бумаги. — Докладывайте. Что говорит ваша аналитика?

Я встал, подошел к карте Европы, висевшей на стене. Провел пальцем по линии фронта во Франции.

— Германская армия находится в агонии, Владимир Ильич, — мой голос звучал ровно, почти академично. — Летнее наступление Людендорфа высосало из Рейхсвера последние соки. У них нет резервов. Американский экспедиционный корпус прибывает тысячами ежедневно. Кайзеровская машина сломана. Вопрос не если они попросят мира, а вопрос, когда.

Ленин резко обернулся от карты:

— Сроки? Дайте мне цифры!

— Максимум до начала зимы, — подал голос Менжинский своим тихим, шелестящим голосом. — Их экономика рухнула. В Берлине голодные бунты. Но самое важное происходит сейчас в ставке Гинденбурга. Немецкий генералитет уже ищет виноватых. Они готовят почву для легенды об «ударе ножом в спину». Им нужен будет враг внутри Германии.

— И этим врагом станем мы, если будем сидеть смирно, — закончил я за него. Я взял указку и постучал по границе 1914 года. — Вильгельм выдохся. Антанта скоро потребует капитуляции. А это значит, Брестский мир превращается в клочок бумаги. Франция захочет создать санитарный кордон против большевизма. Пилсудский мечтает о Великой Польше от моря до моря.

Я сделал паузу, переводя взгляд на Чичерина, который всё это время молчал, стоя у окна.

— Наш единственный шанс выжить, перехватить инициативу. Мы должны ударить первыми. Не танками, а дипломатией.

Георгий Васильевич медленно повернулся от окна. На его лице аристократа играла странная усмешка.

— Вы предлагаете нам стать жандармами Европы, товарищ Краев? — спросил он тихо.

— Я предлагаю спасти Республику чужими руками, — ответил я. — Капитуляция Германии вызовет революционную волну. Спартакисты в Берлине, советы в Вене, восстания в Будапеште. Буржуазия Европы напугана до смерти. Они будут готовы признать кого угодно,

лишь бы остановить хаос. Мы создадим эти республики сами. Эстляндскую Трудовую Коммуну. Литовско-Белорусскую Советскую Республику. Украинскую ССР. Формально, суверенные государства рабочих. Фактически, наши протектораты. Буферная зона.

Я перевел взгляд на Ленина:

— Пусть Запад признает их независимость. Пусть французы аплодируют самоопределению наций. По факту же границы этих республик будут проходить по линии Нарвы, Варшавы и Львова. Если немцы уйдут оттуда послезавтра, там должны стоять наши гарнизоны сегодня вечером.

Ленин вскочил со своего места. Он прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Остановился перед картой.

— Гениально, — прошептал он. — Абсолютно цинично и гениально. Мы используем пацифизм Вильсона против него самого. Мы дадим Европе демократию... нашу демократию.

— Нам понадобится легальное прикрытие, — вступил Менжинский. — Официальное признание. Иначе интервенты просто высадятся в Одессе под предлогом защиты законного правительства.

— Для этого есть Бухарин, — сказал я. — Николай Иванович должен написать манифесты о Мировой Революции. Пусть западные газеты кричат о «красной угрозе» панически. Чем больше страха в Париже, тем сговорчивее будут дипломаты в Лондоне. Страх заставляет капиталистов подписывать чеки быстрее, чем идеалы свободы.

Ленин остановился. Посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Значит, вы делите Европу на сферы влияния раньше, чем мы взяли Харьков? — произнес он тихо. — Вы, Краев, мыслите категориями Империи, завернутыми в красную обертку.

— Я мыслю категориями выживания, Владимир Ильич, — ответил я. — Либо мы сделаем Россию центром социалистического блока, либо Антанта сделает из нас колонию. Третьего не дано.

Ленин подошел ко мне вплотную. Положил свои сухие ладони мне на плечи.

— Хорошо, — произнес он очень тихо, так, чтобы слышал только я. — Создавайте ваши марионеточные республики. Используйте немцев, пока они живы. Готовьте армию к броску на Варшаву. Но помните...

Он приблизил свое лицо к моему, заглядывая прямо в зрачки.

— Как только кайзер подпишет перемирие, Черчилль вспомнит про Архангельск. Интервенция начнется всерьез. У вас есть полгода, Александр. Полгода, чтобы построить стену вокруг Республики выше Великой Китайской стены. Время пошло.

Менжинский подошел к столу.

— Поляки не сдадут Варшаву без боя, — прокрипел он. — Пилсудский умен. Он знает, что мы идем.

— Поэтому Вы едете в Берлин завтра утром, — сказал я ему. — Задача, сделать так, чтобы немецкая революция началась строго по нашему графику. Нам нужно связать руки германскому Генштабу внутренними проблемами, пока мы будем переваривать Украину.

Из тени дальнего угла раздался сухой, скрипучий кашель. Лев Троцкий стоял там, прислонившись к шкафу. Он выглядел как падший ангел: всклокоченные волосы, горящий взгляд фанатика, руки спрятаны в карманы брюк.

— Строительство казарм вместо пожара, — прокрипел он своим металлическим голосом. Голос Троцкого всегда действовал на нервы, словно звук стекла по стеклу. — Вы хотите законсервировать Революцию в границах одной страны, товарищ Краев. Вы строите тюрьму похуже романовской.

— Я строю фундамент, Лев Давидович, — спокойно парировал я, выдерживая его тяжелый взгляд. — На чем ты предлагаешь нести знамя Коминтерна в Париж? На штыках голо-

дающих дезертиров? Твоя идея штурма Варшавы сегодня закончится тем, что Польша станет братской могилой наших лучших полков. Нам нужна передышка.

— Передышка, это смерть идеи! — вспыхнул Троцкий. — Пролетариат ждет примера! Если мы возьмем Варшаву завтра, немец поднимется послезавтра! История стучится в дверь прикладом винтовки!

— История подождет, пока солдаты поедят, — жестко оборвал я его. — Посмотри на карту. Колчак заперт в тайге без патронов. Деникин бежит, потому что крестьянство его не поддержало. Благодаря Бонч-Бруевичу, наша Армия, самая сильная сухопутная сила в Европе. Но она жрет уголь тоннами. Дай мне полгода тишины на Западе, и я дам тебе даже танки для похода на Вену весной.

Троцкий усмехнулся злой, змеиной улыбкой.

— Ты мыслишь категориями царских интендантов, Александр. Склады, шпалы, баланс...

— Я мыслю категориями победы, которая длится дольше одного дня, — ответил я. — Когда капитулирует Германия, начнется драка между союзниками за добычу. Черчилль захочет забрать Баку, японцы, Владивосток. Мы должны встретить их не лозунгами, а линией Мажино нового типа.

Ленин поднял руку, прекращая спор. Он прошелся по кабинету, остановившись перед картой мира.

— Товарищ Краев прав в одном, — произнес он тихо, глядя на очертания континентов. — Время работает на нас. Капиталисты перегрызутся сами. Он повернулся ко мне:

— Готовьте операцию «Буфер», Александр. Используйте немцев. Пусть их спартакисты отвлекают Гинденбурга. Наши интерполки будут двигаться строго вдоль железных дорог. Никакого партизанщины. Только железная дисциплина. Но помните оба, — Ленин перевел взгляд с меня на Троцкого. — Как только смолкнут пушки в Вердене, Антанта посмотрит сюда. У вас есть только осень. Постройте стену. Из стали, бетона и золота.

Троцкий ушел, хлопнув дверью так, что зазвенели стекла, Чичерин испуганно перекрестился.

— Он нас погубит своей риторикой, — прошептал министр иностранных дел. — Поляки объявят священную войну.

— Пусть объявляют, — сказал я.

Из темноты соседнего кресла, поднялся Вячеслав Рудольфович Менжинский.

— С мая месяца, — начал он своим тихим, шелестящим голосом, который всегда заставлял собеседников прислушиваться, — моя агентура работала внутри лагерей. Операция «Интернационал» завершена. Мы создали сеть, Александр Владимирович.

— Он перевел взгляд на меня. — Это уже не кружки любителей Маркса. Это структура. Немцы: Около сорока тысяч кадровых солдат и унтеров Рейхсвера. Дисциплина прусская. Ждут сигнала в Берлине. Идеальный материал для штурмовиков Коммуны.

Менжинский сделал паузу, поправляя пенсне.

— Троцкий дал им лозунги, а Вы дали им структуру. У нас есть готовые полки. Полностью укомплектованные штабы из бывших офицеров Центральные держав. Они ненавидят своих бывших хозяев больше, чем любят коммунизм. Нам нужно лишь нажать на спусковой крючок, когда Берлин падет.

— Вопросы повестки исчерпаны? — Ленин обвел всех тяжелым взглядом. Свердлов кивнул, собирая бумаги. Дзержинский сидел неподвижно, похожий на изваяние из серого гранита.

— Все свободны, — произнес Владимир Ильич. — Кроме товарища Краева.

Когда двери закрылись за последним членом Политбюро, шум великой государственной машины словно отрезало ножом. В кабинете повисла густая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем часов.

Ленин долго молчал, постукивая пальцами по краю стола. Он смотрел на карту Европы так, словно пытался прожечь в ней дыры взглядом. Моя идея, использовать немецкую военщину как таран для революции под прикрытием «независимых республик», была невероятно рискованной, но дьявольски эффективной.

— Значит, буферная зона... — протянул Владимир Ильич, наконец нарушив тишину. — Социалистические протектораты от Балтики до Черного моря. Эстония, Литва, Украинская ССР...

— Формально суверенные государства, признанные Лигой Наций или тем, что от неё останется, — уточнил я. — С собственными наркоматами и своими флагами. Фактически, наша таможенная и военная зона. Мы даем Антанте юридическое право не вводить войска, а сами контролируем границы штыками интербригад.

Ленин обернулся. Его лицо было бледным, но глаза блестели лихорадочным блеском азартного игрока.

— Товарищ Краев, — тихо сказал он. Голос вождя лишился привычной картавости трибуны, став глухим и властным. — Вы смотрите на мироздание и видите там только транспортные узлы, дефицит угля и балансы банковских счетов. Вы используете идеологию как смазку для шестеренок государственной машины.

— Я строю государство, которое выживет, Владимир Ильич, — ответил я. — Мировая революция подождет. Сначала нам нужны работающие заводы и накормленные армии.

Ленин подошел ко мне вплотную. Несмотря на разницу в росте, в этот момент казалось, что именно он нависает над всей страной.

— Подготовьте план, — приказал он жестко. Тон, не терпящим возражений. — Полный проект создания этих... протекторатов. Конституция каждой республики: фиктивная демократия, реальный контроль Москвы через Реввоенсовет и ваши органы НКГК. Список кандидатур в их правительства. Источники финансирования без использования нашего золотого фонда напрямую.

Он промокнул чернилами пресс-папье и протянул бумагу мне.

— Это ваш карт-бланш. Действуйте от имени Совмина. Буферная зона должна быть создана юридически до того, как Германия подпишет перемирие. У вас месяц, Александр Владимирович.

Я взял теплый еще лист бумаги. Мандат на создание новой реальности.

— Будет исполнено, — произнес я.

Я вышел в гулкий коридор Кремля. За моей спиной остался кабинет, где прямо сейчас рождалась структура нового мира. Мира, разделенного пополам. И мы собирались построить свою половину железной рукой.